

Олег
РЯБОВ

г. Нижний Новгород

Р
А
Л
З
Ю
Н
Д
Ы
И
Е

рассказ

1

Многие старики Васю Бешеного помнят. Юрия Николаевича, первого секретаря обкома, плохо помнят. Сергея Васильевича, второго секретаря, вообще не помнят и не понимают даже, о ком я говорю. А вот Васю Бешеного, его водителя персонального, вспоминают — легендарный был человек. Мало того, что он на «Волге» своей с номером 0002, черной, отполированной, так умел дрифтовать, такие фигуры выделывал, что и современные пацаны, повернутые на этой теме, могли бы позавидовать. Все гаишники его просто боялись и, когда он появлялся на трассе, старались отворачиваться от дороги, делая вид, что это они по нужде тут стоят.

А ещё Вася был повернут на картах: в «Бурю», в «Петушка», в «Свару», в «Очко» он любил, — его знали и все игровые, и все блатные. Казино тогда не было ни официальных, ни подпольных, а вот домашние катраны процветали, и везде Васю Бешеного принимали и привечали. И не то чтобы он слыл шулером каким-то необычным, и удачливым картёжником он особо-то не был — так, средненько он играл, по маленькой. Но мужик он был правильный и справедливый, а кроме того, ещё и веселый. Но это я так, только для полноты картины, потому что карты никакого отношения к моей истории не имеют; про карты я как-нибудь в другой раз.

Фамилия у Васи была простая русская — Власов. А вот то, что родом был он из деревни Ляпня Гагинского района, меняло всё дело: оттуда же, из Гагинского района, и чуть ли не из этой же деревни был родом и знаменитый на весь мир генерал-предатель Власов. Мне вот кажется, что при таком раскладе дел и исторических совпадений все Власовы давно уже должны были уехать из этого Гагинского района, а вот и нет — остались. Правда, и люди с фамилией Гитлер живут ещё кое-где — и ничего!

Вася — мужик был рослый, красивый, статный, физически сильный, и всяким женщинам разнообразным нравился он чрезвычайно. Так еще и миролюбивый он какой-то был

и необидчивый. А все вот такие крепкие, здоровенные деревенские мужики необидчивыми и добродушными вырастают. А кто их таких обижать-то будет? Потому и они никого не обижают. Точнее, редко кого!

Жил бы да жил этот Вася Власов у себя в деревне, работал бы в МТС или пахал бы на тракторе, ходил бы по девкам неохваченным, так нет же — судьба распорядилась иначе. На этот раз судьба проявилась на его пути в лице Наташи Рукавишниковой — интересной молодой медички, по распределению после окончания института попавшей в Гагинскую районную больницу. Да-да, поговаривали, что она из тех самых Рукавишниковых, сохраняют они все свои фамилии.

Наташа эта была штучкой непростой. Папа её был директором большого настоящего авиационного завода, правда, умер он рано, пусть и не в раннем Наташином детстве, но она ещё в школе училась. И мама её на вполне серьёзной должности трудилась: была она начальником конструкторского бюро одного из НИИ. Только не получилось у девочки после окончания института в городе удержаться: услали по распределению в далёкий райцентр.

Не знаю, скучно ли ей там, в районе, стало или гормоны своего потребовали, а только очень быстро она освоила в личную собственность эту местную не оприходованную пока что никем мужскую достопримечательность в виде Васи Власова и повезла его на смотрины домой в город, к маме.

Мама Наташина, Вера Александровна, пока что одна куковала в своей трехкомнатной сталинской квартире в центре города, и места там хватало на всех. Смотрины проводились в закрытом режиме: сидели в гостиной вдвоем за столом с чаем, тортом и шампанским. Вася за Верой Александровной ухаживал так же активно, как и за любой другой встречавшейся на его пути дамой — галантно, настойчиво и грубо одновременно. И шутки его были такие же. Знаете, что такое застольный алкогольный юмор? Это звучит примерно так: «А не подлить ли вам лимонадику из кобыльего задика?» Эта фраза — один из Васиных шедевров.

Когда Вася вышел покурить на балкон, ма-

ма, выпучив глаза, перегнувшись через стол, с ужасом прошептала:

— Наташенька, милая, что же ты делаешь?! Вы же разные люди! Этот Василий вообще из какой-то другой формации! Опомнись. Куда ты рвешься?!

— Мама, считай, что это любовь. Что же делать? Да, у него даже аттестата об окончании средней школы нет, но мы всё это исправим. Главное, что мы любим друг друга.

— Это, Наташенька, я поняла. И это самое страшное и печальное, что случается изредка в жизни: когда разные люди вдруг полюбят друг друга.

Свадьбу сыграли быстро. Там, на празднике, подошел к Наташе Иван Иванович, старинный друг Наташиного папы, она его даже в уме как-то припомнила смутно — он был заведующим обкомовским гаражом и мог решать многие вопросы, как любят, теперь уже не стесняясь, говорить.

— Наташа, через неделю тебя переводом берут на работу в третью больницу. Это тут, на Откосе, обкомовская... Ты знаешь где. Вопрос уже решен. А Василия — я с ним тоже переговорил — беру к себе в гараж. Он мне понравился.

Вот так всё очень быстро и удачно образовалось, к радости и удовольствию всех участников моего повествования.

Только очень быстро и участники поняли, как права была Вера Александровна. Так, на организованный концерт Наташа не могла пойти теперь одна или с подружками; знала ведь, что Василий откажется, а оставлять мужа без присмотра ей не хотелось. И на открытие ежегодной выставки «Большая Волга», где обязательно присутствовали все Наташины друзья-художники, она не попала. Правда, этот мертвый сезон тянулся недолго: Вася освоил темный строгий костюм, ежедневно свежую белую рубашку, черные полуботинки. К выпивке он относился с пренебрежением, как к мальчишеской недостойной забаве, курил раз в месяц за компанию с мужиками, а вот в карты... Любую свободную минутку теперь он отдавал картам. И была в этом взаимная несправедливость, потому что Наташу он с собой на эти полуночные игрища не брал.

Вот что ещё я позабыл: дома он стал теперь ходить в китайском халате с драконами. А тёща Вера Александровна стала звать его не иначе как «товарищ Власов».

Надо сказать, что у Васи обломился в этой новой его семейной городской жизни ещё один и притом самый важный стимул существования — женский пол. В обкомовский гараж брали на работу лишь после таких проверок серьёзными органами, что про жизнь Васину им было известно всё с момента его зачатия. Потому ребята из соответствующей конторы, деятельности которой в те времена все очень побаивались, и было отчего, его строго-настрого предупредили и погрозили пальчиком, чтобы ни о каких посторонних бабах он больше не мечтал.

Вася как-то не придавал значения в тот момент этим словам. Да и в дальнейшем он больше всё при начальнике своём Сергее Васильевиче старался находиться — прислуживался. Дома он почти не появлялся: в обкомовской закрытой столовой кормили как дома — накрывали только в праздники. К тому же и цены были в этой столовой смешные — какие-то копейки. Мы уже и забыли, какие они, эти копейки. Так, в меню этой обкомовской столовой стояло первым номером в разделе «Напитки»: «рассол капустный — 200 г — 1 коп.».

У женщин диапазон домашних занятий и забот куда шире мужского. Для начала Наташа определила своего Васю в вечернюю школу, куда он так ни разу за всю свою жизнь и не сходил. Даже, по-моему, так и не узнал он, где расположена эта его вечерняя школа, которую окончил. Точнее, окончила ту школу его Наташа. Она сначала записала своего Васю в девятый класс. А потом в тоненьких тетрадочках всю зиму писала какие-то контрольные, отчеты, доклады, относила их в школу, а к лету Вася получил полноценный аттестат зрелости.

А потом как-то быстро всё завертелось. Через год у Наташи и Васи сынишка Коля родился. А ещё через два года Вера Александровна на пенсию вышла, да что-то очень скоро — только-только начала она осваивать приятную бабушкину специальность, внука в школу по-

вела в первый класс, — и вдруг приказала всем долго жить.

Уже в день смерти мамы сквозь еще не выплаканые слёзы Наташа поняла, что остается одна: Коля ещё маленький, а Вася для неё чужой человек. Совершенно чужой, а не просто другой, как его, чтобы не очень обидеть, характеризовала часто Вера Александровна. И решение Наташа приняла уже в день смерти мамы.

Все заботы по похоронам взял на себя Вася: быстро, легко, незаметно, по-хозяйски, по-мужски были они организованы.

Хоронили Веру Александровну в той же огаде, где и папа Наташин лежал.

Народу на похоронах было мало. У свежего глиняного холмика с кое-как криво поставленным крестом остались вдвоем.

— Ну, вот и всё, — сказал зачем-то Вася. — Вот и нас с тобой когда-нибудь так же рядом положат и закопают.

— Нет, Вася, — полушёпотом ответила Наташа, — нас рядом не положат. Мы с тобой очень разные, и завтра я подаю на развод.

2

Да только уж больно часто благие пожелания и намерения остаются невыполненными — иногда из-за неуверенности, иногда из-за страха перед неизвестным будущим, а чаще всего из-за лени. И покатила жизнь моих героев по ржавым стальным накатанным столетиями рельсам. И докатилась бы куда следует, только его величество случай поджидает нас всех.

Как-то раз ранним утром в ясный летний выходной день, пока шеф был в краткой командировке, помыв машину на специальной круглосуточной мойке, обслуживающей кремлёвский гараж, Вася выехал на трассу, ещё не решив, куда направиться. Рассматривались два варианта: то ли в аэропорт, чтобы подкалымить, то ли в загородный спортивно-оздоровительный лагерь проведать сына, который уже в десять лет подавал приличные надежды и показывал хорошие результаты в легкой атлетике.

И вот, пока стоял Вася в раздумье на площади Свободы, к нему подошел и наклонился к открытому окошечку лохматый и сгорбленный старичок. Приглядевшись, Вася понял, что старичок был вовсе не горбатый, а скорее очень даже крепкий, просто из-за роста своего немного сутулый. И одет он был довольно прилично и чисто, просто чуть небрежно, небрежность эту Вася принял попервоначалу за неряшливость. А тут старичок обратился к Васе:

— Молодой человек, а вас не затруднит подвезти меня тут недалеко? Я вам заплачу.

— А куда ехать-то?

— На Гагарина.

И что-то тут переклинило в голове у Васи. А послышалось ему что-то про родное его Гагино. И с чего бы это? Старичок вроде не шамкал ртом беззубым, а говорил четко и с расстановкой, правда, чуть заикаясь. И глаза у него были вовсе не стариковские, а вдумчивые и пронзительные, но с грустинкой. И сказал-то он всего три фразы внятных и доходчивых, а вот Вася всё как-то не так понял. И откуда ему послышалось это его родное Гагино? Видимо, скучал он изредка по родным местам.

— На проспект Гагарина, — уточнил старичок, и не напрасно — теперь Вася усёк.

— Садись, поехали, — скомандовал водитель, вынырнув из воспоминаний; он со всеми на улицах на «ты» был — недаром Вася Бешеный.

Так и рванули они на проспект Гагарина. Вася по пути пытался разговаривать старичка-попутчика, да только тот что-то не повелся: всё больше молчал. Проронил только раз:

— В ссылке я у вас тут, в Горьком.

— Как в ссылке? На химии, что ли? Ты отсидел, что ли, и тут у нас теперь кукуешь? А где сидел-то?

— Сидел-то я где? Сидел-то я в Сарове. «Арзамас-16» — знаете такое место?

— А как же, — ответил уверенно Вася, хотя и не очень хорошо понял, о чём речь.

Больше ни о чем они так и не поговорили, а могли бы и об умном чём-нибудь...

Около большого многоквартирного дома на проспекте Гагарина старичок попросил оста-

новить, он полез за деньгами, бубня себе что-то под нос — мол, бумажник-то он вроде как и позабыл. Вася уже начал волноваться — он не любил таких проблемных клиентов, забывающих кошельки. Разбирайся с ними потом! А старичок будто услышал Васю: он достал из внутреннего кармана своего чуть помятого полотняного пиджака, а скорее даже курточки такой, пачку пятирублёвок в банковской упаковке, надорвал её и, достав одну купюру из пачки, протянул Васе.

— Ничего с тобой на зоне-то рассчитались после срока... Прилично, — сказал, не скрывая удивление, Вася и схватил деньги.

— Да-да, это моя зарплата, — сказал странный пассажир. — И ещё раз благодарствую.

На том и расстались.

Дома Вася рассказал про чудного старичка своей Наташе, столкнувшись на кухне, — та только плечами пожала. Они продолжали вместе жить — в одной квартире, только в разных концах, безвредно, безобидно и даже не каждый день сталкиваясь.

Хотя, как знать, насчёт безвредности... Появилась к тому времени у Васи на работе зазноба сердечная — буфетчица обкомовская Зина, женщина ну очень интересная, кровь с молоком, лет тридцати. Тоже откуда-то из области её кто-то из родственников начальственных переташил — то ли из Сергача, то ли из Княгинино. И перехлестнулись тут родственные души буфетчицы и водилы.

Только поднабравшись кремлёвского жизненного опыта и проанализировав прецеденты, знали уже и Вася, и Зина, что за аморалки с этих мест сладких вылетают работнички как пробки. И очень осторожными были они в своем интиме. Два раза в неделю, как по расписанию, встречались они теперь на квартире у Зины. И вот в тот же день — в день встречи со старичком необычным — Вася рассказал об этом знакомстве неожиданном своей сладкой подружке. Он по-прежнему считал, что старик тот был каким-то авторитетным жуликом — «деловыми» в те годы их звали. Но Зина только руками взмахнула. Бывают же у недалёких женщин очень даже далёкие и ясные предчувствия:

– Васечка, милый!.. Ой, нехорошая эта встреча была у тебя! Ты уж никому про неё не говори.

– Да что ты, Зинуля! – отвечал ей Вася. – Чай, не глупее уж я вина-то. Только не пойму я, что в этом нехорошего: мы же с ним такие разные... Если он из деловых, дружить я с ним не собираюсь.

А уже на следующий день Олег Иванович из спецотдела очень вежливо попросил Васю зайти с ним в специальный кабинет и поговорить. «Кабинетом» у Олега Ивановича оказалась подсобная комната уборщицы в полуподвале обкомовского корпуса, в которой, кроме вёдер и тряпок, стояли ещё стол и два стула.

– Василий Иванович, – обратился к Васе Олег Иванович, – расскажите, о чем вы вчера разговаривали с Андреем Дмитриевичем?

– С каким Андреем Дмитриевичем? – удивленно спросил Вася.

– С Сахаровым Андреем Дмитриевичем, с академиком... которого вы вчера на машине катали.

– А я и не знал, что он академик какой-то. Я подумал, что это уголовник после тюрьмы домой вернулся.

– Уголовник, говоришь? Да, тюрьма по нему плачет! Законопатить бы его лет на пятнадцать в мордовский лагерь неплохо было бы. Да только вони от того будет на всю страну, а может, и на весь мир.

– А что за вонь-то? – не понял Вася.

– А то, что попутчик твой вчерашний – академик Сахаров, носитель государственных секретов, а в нашем городе он в ссылке. Он «отец», в смысле – создатель, нашей советской атомной бомбы. Не верю я, что ты не понял, кого вчера катал. Зря ты так, Василий Иванович! – покачал головой сотрудник спецотдела. – Я мог ещё тебе в чем-то помочь, если бы ты хотел того... А в таком глупом разрезе со мной общаться не надо. Ты понимаешь, что теперь у нас проходишь как «связь» этого академика Сахарова, который под особым наблюдением находится, в разработке, можно сказать?

– Нет, не понимаю, – искренне недоумевал Вася. – А в чем ты хотел мне помочь-то, Олег

Иванович? Может, я смогу тоже тебе в чем-то помочь?

– Нет, Вася, – как отрезал тот, – ты мне просто не хочешь помочь.

На следующий день Вася написал заявление по собственному желанию, не дожидаясь возвращения своего шефа из командировки. Он сам не очень и понял, почему ему пришлось это сделать: приказали написать – написал! Правды ради надо сказать, что Иван Иванович не бросил своего протеза: пристроил он Васю на новое тёпленькое место – к другому большому начальнику и снова персональным водителем.

3

Так и жили они год за годом в одной квартире: в одной комнате – Василий, в другой – Наташа, а посередине сынишка их общий бегал. И не разведенные, а семьи нет. Редко когда разговаривали они друг с другом: раз в неделю парой слов перекинутся. Когда Василий пытался первым мосты навести, Наташа у него обязательно про Зину его спрашивала, про здоровье её. А когда Наташа ему что-то дельное предлагала, например, рамы старые оконные поменять, он обязательно спрашивал про мнение покойной тещи – мол, не перевернётся ли та в гробу-то от таких новшества в родовом гнезде.

Василий уже не одно место работы поменял: и водителем в пароходстве служил, начальство какое-то возил, и механиком в таксопарке.

Коля, сынишка их, школу окончить успел и военное училище. Направили Колю служить далеко – в Забайкальский военный округ. Наташа уж и плакала, и рыдала, и в истерике валялась – так не хотелось ей расставаться с кровинушкой своей единственной. А тот через год уже старшим лейтенантом вернулся в отпуск к матери, да ещё и с медалью на груди, а ещё и с невестой. Маленькая такая невеста у него оказалась, на китаянку похожая, но не китаянка – бурятка местная. Сказала, что Таней зовут. Улыбчивая, смешливая, волосы красивые черные, но уж больно ноги кривые. И ничего ты с

ними не сделаешь, с ногами: и не выпрямишь, как зубы теперь выправляют, и не подкрасишь, как губы.

За столом четвером сидели, как семья путная: и водки выпили, и шампанского.

— Вот, — сказал Василий, обращаясь к Наташе, — тещенька-то, мама твоя, Вера Александровна, про нас с тобой говорила, что мы разные! А вот они разве не разные, посмотри? Только по телевизору такие пары-то и показывать, когда там про дружбу народов что-то!..

— Мама говорила: не разные, а другие! — поправила Васю жена.

— Не-ет! «Другие» — это она про других говорила. А про нас с тобой, что мы — разные! Думаешь, я не понимал, что она имеет в виду? И про других я тоже хорошо понимал, — припомнил Вася.

Зарегистрировались молодые в городском загсе и — назад, в своё Забайкалье.

Расставаясь, Наташа строго-настрого приказала Тане:

— Рожать сюда, ко мне приедешь! Поняла?

— Поняла, — кивнула та в ответ.

Кто большую, в смысле — длинную, жизнь прожил, тот знает, как тяжелым катком может она пройтись вдруг и раздавить какую-нибудь семью целиком и полностью. Так и в моей истории получилось.

Через год Таня приехала к Наташе, как та и наказывала. Девочка родилась совсем не бурятского склада, а вполне русского, и назвали её Верой. И вот пока девочку пеленали да облизывали, да сюсюкали над ней, беда случилась: погиб Коля, сторел на учениях. Там, в Сибири, это случилось. Получили Наташа с Таней из далёкого неведомого края цинковый гроб запечатанный, да грамоту с медалью военкомом из военкомата принес. Хоронили Колю с оркестром, с автоматными залпами, с воинскими почестями.

Только не осилила Наташа горя своего: через год ушла в могилу вслед за сыном, позвал он её. Рак теперь очень помолодел, да ещё и скоротечный...

И что тут случилось с Василием!.. Поднял он все свои прошлые обкомовские знакомства и связи, чтобы добиться разрешения по-

хоронить Наташу на старом городском Красном кладбище, где, кроме почетных да заслуженных людей города, никого уже не хоронили. Добился Вася! И участок выделили такой, чтобы и его самого можно было потом туда положить. Через год и ограду кованую поставил он своей законной, и памятник из белого мрамора заказал с портретом — безумные какие-то деньги заплатил. А крест деревянный первоначальный рядом тоже оставил. Заботы эти по похоронам да надгробьям сильно напрягали Васю. А когда все, что планировалось, было уже сделано, вдруг заметила Таня, что тесть её, которого она давно уже звала папой, очень постарел: голова седая, вся в белом пуху, с плешинами, и согнулся он как-то, и ногу приволакивает.

Ходил Вася на кладбище к Наташе своей теперь каждое воскресенье при любой погоде и чаще всего — с внучкой Верой.

Дома за хозяйку была теперь у него Таня: она и готовила, и стирала, и убирала, и по магазинам ходила. Такая странная неполная семья была: дед-пенсионер, сноха-бурятка и внучка Вера.

А потом и Вася ушел. Положили его друзья обкомовские в ограду к его суженой. И никакие они теперь не разные...

ОДИНОКИЙ

рассказ

Одинокий — это фамилия у него такая. Иван Алексеевич сидел на крылечке старой, чуть покосившейся деревенской избы в ватнике-стёганке и синей шерстяной динамовской шапочке. Рядом с Иваном Алексеевичем лежала собачка — маленькая рыженькая лайка карело-финская, Гаммой зовут. Прибилась она к Ивану Алексеевичу вот уже две недели как, так вместе и живут. Хозяйева бросили её, не забрали с собой в город: старая стала, а в городе с ней проблемы будут, специальную службу надо будет вызывать, чтобы усыпили, а тут, в деревне, бог приберёт.

Наступил ноябрь, последние дачники уезжают в город домой, скоро снег ляжет. И Табункины, и Загоруйко собрались уезжать — это соседи Ивана Алексеевича Одинокого. Хотя они и через несколько домов от Ивана Алексеевича жили, но, если по-деревенски рассудить, всё равно соседи: ближе-то никого нет. Они на машинах, погрузили барахлишко своё самое необходимое, дома заперли и — до следующей весны. Вот так некоторые пенсионеры теперь и существуют: зиму — в городе, лето — в деревне.

Загоруйко настаивал:

— Иван Алексеевич, едем с нами. Не дело это! Ты тут один остаешься. Едем! Место в машине у нас есть. — Чувял сосед, что может беда случиться.

— Нет, нет, нет, соседи дорогие, — отнекивался Иван Алексеевич. — За мной дочка не сегодня завтра придет. Я жду её. Должна была ещё вчера приехать. Да и не один я. Вон напротив тётя Нюра, и ещё бабушка старенькая в конце второго прядка осталась. Так что мы тут ещё поживем.

— Ну, смотри, Иван Алексеевич, — с сомнением отвечал Загоруйко, добавил: — Ты бы дал нам номер телефона дочери... Мы бы в го-

род-то приехали, позвонили ей, проконтролировали...

В деревне той связи совсем не было. Чтобы связаться по мобильному, надо было выходить на трассу, а до неё три километра.

— Нет, нет, нет, — снова выкручивался Иван Алексеевич, — она не велела. Сказала: приедет.

И Табункины, и Загоруйко с недоверием смотрели на Ивана Алексеевича: догадывались они, что никакая дочка за соседом уже не придет. Видели они, кто месяц назад привез сюда этого Ивана Алексеевича, и всё они по-своему поняли. А привезли его сюда, в деревню, два молодых человека совершенно бандитского вида: в черных бейсболках, в наглухо застегнутых кожаных косухах, в высоких армейских ботинках-берцах. Заташили в эту избу небольшую, давно уже, видимо, для такого дела приготовленную, две сумки здоровенных да два чемодана, из поленицы дров в дом натаскали солидно, у печки свалили, да в сарай — две канистры с керосином. В конце сентября ещё это было.

Прежде чем уехать, один из молодчиков зашел к Загоруйко и вежливо так попросил:

— Вы уж присмотрите за дедушкой пару дней. Дочка к нему придет не завтра, так послезавтра. Сейчас она ремонт в новой городской квартире заканчивает. Так что эта деревенская развалюха для дедушки вроде маневренного фонда на пару-тройку дней.

Так вот уже больше месяца прошло, как заселили туда старика. Несмотря на всю вежливость и обходительность, что-то не понравилось в поведении этих ребят и Загоруйко, и Табункиным. Что-то было не так, как положено быть во всей этой ситуации. Они даже обсуждали на другой день произошедшее, а потом уже пришли знакомиться к дедушке.

Иван Алексеевич тоже всё по-своему понял, правда, уже через пару дней, да только гордость не позволила ему на весь мир кричать от стыда. А ведь стыдно стало не за глупость и старость свою. Или за дочку?.. И опять неправильно: стыдно было всё равно за себя.

Бабушек, про которых Иван Алексеевич помянул, тоже уже забрали в город дети. Опусте-

ла деревня, один Иван Алексеевич остался. И собачка с ним эта рыженькая.

Продовольственная лавка на колесах, фургон с глупой надписью на борту «Кушай дома», последний раз неделю назад заезжала. Водитель Николай заранее всех предупредил, что в ноябре уже не будет в эту деревню возить продукты. Ассортимент у лавки на колёсах был невелик, наименований двадцать-тридцать, но все что надо было: хлеб, растительное масло, сыр, краковская колбаса, бычки в томате, тушенка. А если особенного чего-нибудь захочется, то можно и заказать: водитель Николай — услужливый мужик, привезёт.

Жену свою Иван Алексеевич Одинокий потерял год назад, отлетела она неожиданно-негаданно вместе с ангелами, и остался он один в своей ставшей сразу большущей, несуразной трехкомнатной квартире, которая еще его тестю, какому-то партийному бонзе советских времен, принадлежала. Одна дочка Ивана Алексеевича в Праге замужем, другая — здесь, бизнесом каким-то риелторским занимается. Только не складываются у него семейно-отцовские отношения с дочерьми: и замужеством старшей Иван Алексеевич был не очень доволен, и бизнес младшей не одобрял. А больше всего не складывались эти отношения из-за того, что внучат у него нет и, видимо, уже и не будет никогда: одной дочери Марии, что в Праге живет, пятьдесят лет, и другой — Юльке, которая бизнесменша, — тоже уже за сорок — так что их пустопорожность воспринимал и характеризовал он как бессмысленность и бесполезность. Но дочери его оставались убежденными и последовательными участниками движения «чайлдфри».

Несмотря на свои восемьдесят лет с хвостиком, был Иван Алексеевич до последнего времени мужчиной крепким и самостоятельным в том смысле, что обслуживал он себя полностью сам: и в магазины ходил, и за собой по дому прибирался, и даже трусы с рубашками сам стирал. Была к нему приставлена какая-то женщина, социальный работник, которая и звонила Ивану Алексеевичу, и заходила домой, но он пока что отказывался от её услуг, потому что раз, а то и два раза в месяц забега-

ла Юлька. Забегала она не как дочка, а по-деловому как-то: проверит порядок в квартире, есть ли продукты в холодильнике и макароны с рисом в шкафчике, разберёт на вешалке сезонную одежду, заберёт грязные простыни в постирушку и убежит. Ну, будто чужой человек приходил.

Было в её поведении что-то пацанское, а потому и комплексовала она. Да и Иван Алексеевич тоже комплексовал: он стеснялся уже её попрекать, напопрекался за всю-то жизнь, а дочка Юля просто не хотела обострять отношения, хотя любила она, конечно, папку своего до боли, но какой-то мужской внутренней любовью, которая наружу не выходит, без соплей.

В общем, крепкий мужик был Иван Алексеевич — и без проблем со здоровьем, и жить бы ему лет до ста. Только жизнь свои условия всем нам ставит. Догнал его инсульт, поначалу вроде не страшный, только рот на сторону перекосило и шепелявить стал немного, но совсем незаметно. А вот ещё через месяц второй уже шандалахнул, «по-взрослому», то есть и в больнице месяц пролежал, и в санатории ещё месяц. Но рука правая в норму так и не пришла, неправильно работает, не слушается, а главное, соображать плохо Иван Алексеевич стал, и в памяти провалы образовались. Успокоили его врачи: вроде как деменция это старческая, никуда не денешься — девятый десяток. А только всё, что было пять — десять — пятьдесят лет назад, отлично помнилось, а вот зачем в магазин пришел — за хлебом или за молоком — не вспоминается, хоть назад домой беги и проверяй, чего там не хватает. А то как-то раз на соседней улице заблудился, не мог понять, как домой пройти, пришлось у прохожих людей спрашивать.

Весь прошедший год выстраивался в сознании Ивана Алексеевича ряд картинок будто из обрывков старой испорченной киноленты, а сам фильм из них никак не складывался, словно был он о ком-то другом — совершенно чужом человеке.

Сейчас, сидя на крыльчке в деревне, Иван Алексеевич смутно начинал соображать, а

кое-что даже и вспоминал. Почему-то с самого начала вся эта история с квартирой, с обменом припоминалась очень и очень смутно. Вот болезнь супруги, больница, операция, похороны – всё резко, контрастно, будто в памяти объектив кинокамеры навел. А дальше – туман, муть, расплываются во все стороны из головы мысли разные, а картинка не складывается, как ни напрягайся.

Вроде бы какие-то документы потребовались от Маши, старшей дочери, которая в Праге жила, переоформляли права собственности на квартиру. Маша пыталась тогда забрать отца к себе в Прагу жить, но Иван Алексеевич наотрез отказался. Это он помнил очень хорошо, потому что с каким-то грандиозным скандалом тот эпизод был связан. В конце концов было решено, что он с Юлькой будет жить, съедется с ней. Но почему же так и не съехался? Или съехался? Не помнит Иван Алексеевич.

А что за проблемы с Юлькиным бизнесом случились? Он и тогда ничего не понял, а сейчас уж тем более. Вспоминается только сквозь туман: вот она сидит на диване напротив папки своего и, покачиваясь, приговаривает: «Всё обойдётся, всё образуется...»

Иван Алексеевич не представлял себе даже, как может он помочь дочке своей любимой и ненаглядной. А потом вроде помог, только опять же не помнит как! Было дело: у нотариуса бумаги подписывали, а Юлька потом счастливая была и к Машке, сестре своей, в Прагу ненадолго поехала. Звонила папке по телефону каждый день. Сколько времени он не видел Юльку свою – не может вспомнить. Месяц, два, три?.. Это загадка для его больной головы – лучше и не мучиться. Сказала же Юлька: сиди жди – приеду.

Два парня здоровенных, но довольно вежливых, пару раз приходили: какими-то бумажками трясли, говорили, что они доверенные лица и по поручению Юльки должны перевезти Ивана Алексеевича ненадолго на новое место жительства. Они даже помогали собраться ему, подсказывали, что надо взять с собой на несколько дней, максимум – на неделю, пока Юлия Ивановна приводит в божес-

кий вид новую их квартиру. Но даже и эту ситуацию, кажется, главную, которая и повлияла самым существенным образом на его современное деревенское положение, Иван Алексеевич со стопроцентной достоверностью вспомнить не мог.

Интересно, что он если и не понимал, в чём именно заключается его заболевание, то проявления его знал, как и осознавал, что происходит с собственной памятью. Старик даже посмеивался над собой: ну, ничего, мол, лет через пятьдесят, может, и вчерашний день вспомню.

Во второй половине дня пошел снег. Он повалил крупными хлопьями и, ложась на мерзлую землю, уже не таял. Снег валил такой густой, что в окошко нельзя было разглядеть ни дорогу, ни избы на той стороне улицы. Иван Алексеевич, стоя у окна, любовался на новое состояние природы.

Если это снеговой заряд, то странный – почему-то без ветра. Снег прекратился минут через двадцать, и лишь редкие снежинки кружились в воздухе. Мир за эти минуты изменился – он словно стал чище и светлее, теперь дали, упирающиеся в горизонт, выглядели четче и рельефнее.

Иван Алексеевич подошел к печке-голландке, потрогал – она была ещё теплая. Надо снова было топить, а то ветром выдует, избу выстудит – грей её потом.

Дрова в доме, которые натаскали ребята, кончались, но в сараюшке стояла ещё полная поленница берёзы, как помнил Иван Алексеевич. Он открыл дверку голландки, поджег пару шурупов бересты и бросил внутрь, аккуратно домиком накрыв её горящую двумя половинками поленьев.

В избе уже собирались сумерки... Ноябрьские сумерки ранние... Иван Алексеевич щелкнул выключателем – света не было, электричество отключили. Хотя так и обещали: с первого ноября деревню от электрических сетей отрубят. Он налил из ведра в чайник воды и, сняв чугунную крышечку с варочной конфорки, поставил его греться.

Очень быстро печка загудела. Хозяин уст-

роился рядышком на табуретке, он любовался на играющие язычки пламени. Интересно, что есть ему не хотелось. Вот чайку свежесваренного с кусочком сахарку он попьёт с удовольствием.

И Гамма не ела ничего уже который день. Последнюю банку тушенки Иван Алексеевич вчера открыл и в миску собачью вывалил половину, но собака к ней даже не подошла. И сейчас она лежала, свернувшись калачиком, у ног своего нового хозяина.

Снег шел всю ночь. Утром входную дверь Иван Алексеевич открыть не смог: видно, завалило — так решил. Он подошел к окну, но ничего в темени кромешной не разглядел, только мощные порывы ветра ощущались всем корпусом старой избы — казалось, она даже кряхтела. Снег опять валит.

«Ну, вот и всё! — подумалось хозяину. — Как дрова закончатся, так и я буду собираться в путь последний». Пришлось зажечь на столе керосиновую лампу, чего Иван Алексеевич делать не любил: не то чтобы керосин экономил, а просто вонь эта керосиновая ему не нравилась. Была ещё и классическая «летучая мышь», но ею он вообще редко пользовался. Потом снова растапливал свою голландку, посидел перед ней. Позвал Гамму, но та только взвизгнула сонно, зевнула и осталась лежать на подстилке около входа.

Вот сегодня снег шел уже по-зимнему: в окошко было видно сквозь раздвигающиеся сумерки, что метет настоящая метель, ветер закручивал в белёдые рукава и свитки густые снежные потоки. А ещё уж очень не по-детски завывает этот самый серьезный и сердитый ветер в печной трубе.

Когда в печке раскочегарилось, Гамма перебралась поближе к теплу. Иван Алексеевич гладил её за ухом и приговаривал:

— Ну что, старушка? Вот и всё. А торопить и звать мы её не станем. Будем просто ждать. Она сама придёт.

Хозяин поставил на огонь чайник. Потом поторкался в дверь, но сил открыть её не хватало. Иван Алексеевич помнил, что за диваном лежит ещё один топор, домашний — это кроме того рабочего, что в сараюшке. Если уж

очень понадобится, то он просто вышибет дверь топором — не такая она и крепкая.

Старик улегся отдохнуть и задремал. Когда проснулся, а точнее, очнулся, в комнате было темно, тихо, и за окном тоже: вьюга унялась.

— Гамма, — позвал негромко старик, но в ответ ничего не расслышал.

— Гамма, девочка моя, — позвал он ещё раз, уже громче.

В ответ раздалось тихое поскуливание, что-то было в нём жалобное и просящее.

Старик встал, подошел к двери и, наклонившись, погладил собаку. Она лизнула его руку. В темноте на столе Иван Алексеевич нашарил спички и затеплил керосиновую лампу.

— Гамма, — позвал он снова.

Возле собаки старик поставил лампу на пол. Погладил Гамму, та подняла голову, в уставших глазах её стояли слёзы. Тут она вся задрожала и затихла.

— Вот и всё, — прошептал старик.

Похоронить Гамму, свою последнюю подружку, Иван Алексеевич решил под домом, в подполе. Крышка люка со старинным кованым кольцом находилась рядом с кухонным столиком. Правда, старик этим люком ни разу не пользовался — не открывал и даже не представлял, что там, в подполье.

Вниз полез с «летучей мышью». Там было сухо и очень пыльно. А как же ещё должно быть под землёй? На полке небольшого, грубо сколоченного из горбыля стеллажа стояли несколько забытых прежними хозяевами трехлитровых банок с компотом, в углу на земле валялись старые валенки, рваный ватник и обломок деревянной лопаты, вёдра, корзинка.

Земля была мягкая, податливая и тёплая. Старик копал недолго, после чего вылез из подпола, завернул небольшое собачье тельце в домотканый круглый половик, служивший Гамме подстилкой, и, вновь спустившись под дом, пристроил сверток в ямку, принялся закапывать. Уже заканчивая свою не очень приятную вынужденную миссию, услышал старик (или почудилось?) топтание чьих-то ног на крыльце и голоса людей. Но плотно стоящий в голове туман не давал ему сосредоточиться, чтобы оценить ситуацию. Старик решил

чуть-чуть передохнуть. В подпольной темени он сел на перевернутое ведро и задумался.

Настойчивые крики вернули его к действительности.

– Папка, папка, проснись!!! Открывай дверь!!! Я знаю, ты дома – дым из трубы идёт!

Старик долго и неуклюже выбирался из подполья. Затем уселся на табурет, снова отпыхиваясь.

– Папка, папка, открывай!!! – слышался с крыльца голос.

– Иду... иду. Сейчас открою, – бормотал чуть слышно старик, с трудом поднимаясь с табуретки. Добрёл наконец до двери. И тут вспомнил!

Кроме крючка накидного, он запер дверь ещё и на ключ. Значит, снегом домик его не завалило, а ключ надо искать. Слава богу, нашёл быстро: лежал он в кармане ватника.

Иван Алексеевич с трудом попал в замочную скважину ключом, провернул его. Наконец дверь открылась.

На пороге стояли дочь с мужем. Машка, влетев в избу, разразилась такой истерикой с руганью, что старик сразу воспрянул духом и ожил.

– Машенька!.. Машенька! Может, чайку попьём? Я вскипячу мигом, – засуетившись, виновато предложил.

– Какой чаёк, папка?! – дочь смотрела на него покрасневшими от слёз глазами. – Вы тут все с ума посходили, что ли?! И Юлька, эта зараза!.. Лошадь хромая!.. В реанимации месяц уже лежит вся в трубках!.. На ИВЛ она, в этой красной зоне ковидной! Даже меня врачи к ней не пропустили! Самолёты не летают из-за карантина! Мы с Вадимом на машине через четыре границы двое суток без сна сюда пилили. Еле прорвались! Везде пытались не пропустить. Хорошо, что кругом друзья-знакомые есть. Мне ведь люди добрые в Прагу позвонили. Сказали, что и ты, и Юлька пропали. Потом Загоруйко твой еще дозвонился, когда мы в Белоруссии уже были! – отчаянно звенел Машкин голос. – И у кого он телефон мой только нашел! Не мог и тебя вывезти! Как можно было тебя одного оставить?! А Юлька, зараза такая, ещё этих двух своих идиотов послала к тебе. Не сообразила, что у тебя уже не просто старческая деменция, а самый настоящий альцгеймер. Нельзя было тебя без присмотра оставлять! Ну, слава богу, всё обошлось. Давай в машину, – подуспокоившись, командовала дочь. – И ничего отсюда не бери! Пожалуйста, ничего! Иди в машину. Ватник этот свой дурацкий деревенский сними – не поймешь, кто в нем тут ходил...

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

*Окончил политехнический институт
по специальности «радиоинженер».*

Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» в 1968 году.

*Первая книга, повесть о войне, «Письма отца»
вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.*

С тех пор издано одиннадцать книг стихов и прозы.

*Печатался в журналах «Нева», «Всерусский собор»,
«Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».*

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

